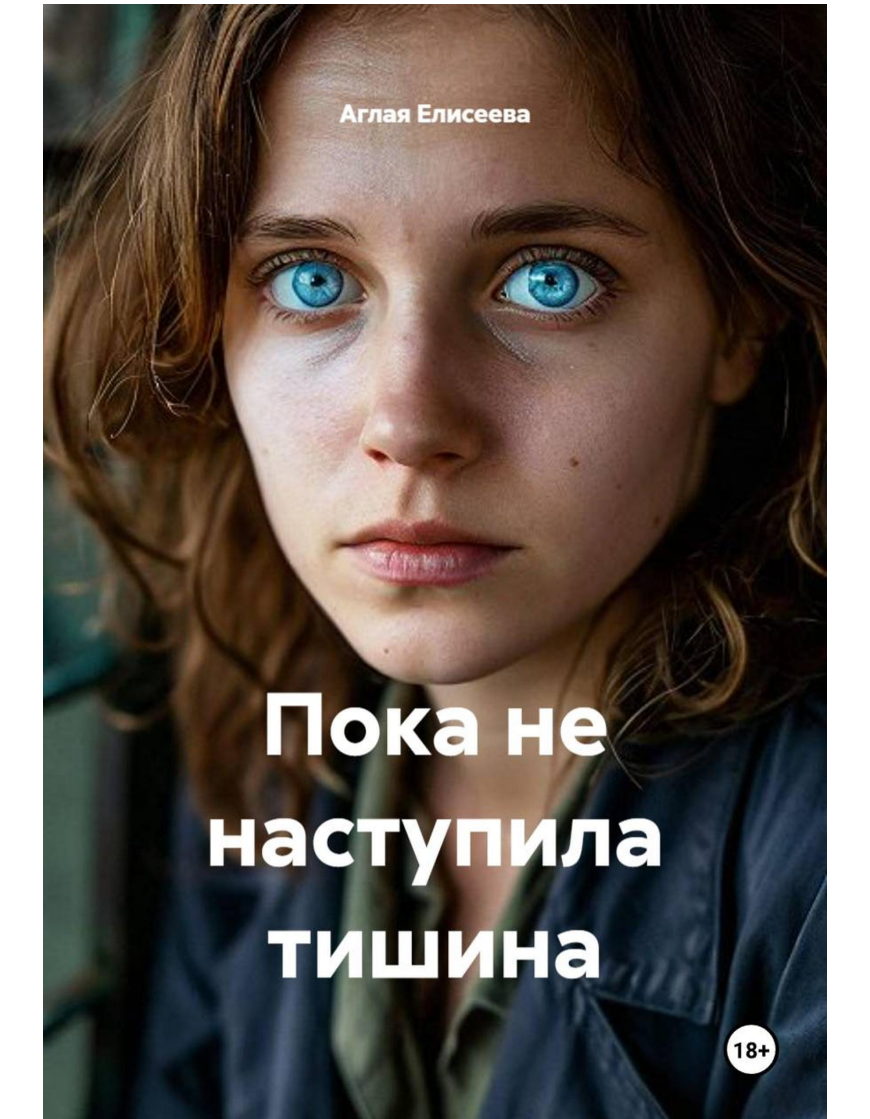

A close-up portrait of a young woman with light brown, wavy hair and striking blue eyes. She is looking directly at the camera with a neutral, intense expression. She is wearing a dark blue jacket over a green collared shirt. The background is blurred, showing hints of green and blue.

Аглая Елисеева

**Пока не
наступила
тишина**

18+

Аглая Елисеева

Пока не наступила тишина

<https://litres.ru/74350918>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не помнит, как оказалась в подвале. Не помнит, как потеряла сына. Только его глаза — синие, как море, и голос человека, который обещал быть с ней всегда. Теперь Илона — пациентка психиатрической клиники для особо опасных преступников. Её обвиняют в страшном преступлении, и её судьба зависит от заключения врачей. Виктор, ведущий психиатр, чувствует: за этой историей скрывается нечто более страшное, чем она сама может вспомнить. Он готов рискнуть всем — карьерой, свободой, покоем. Но чем глубже он погружается в её прошлое, тем яснее понимает: правда не в том, что она помнит. А в том, что она забыла.

Содержание

Пролог	6
Илона	9
США	10
2	12
3	14
4	16
5	18
6	21
7	24
Рональд	27
8	27
9	29
США	29
10	33
11	36
12	38
13	40
14	47
15	51
16	54
17	56
Илона	59
США	60

19	64
20	68
21	71
22	75
23	76
24	79
25	81
26	84
27	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Аглая Елисеева

Пока не наступила тишина

Если бы Господь Бог на секунду забыл о том,
что я тряпичная кукла, и даровал мне немного жизни,
вероятно, я не сказал бы всего, что думаю;
я бы больше думал о том, что говорю.

Я бы ценил вещи не по их стоимости, а по их значимости.
Я бы спал меньше, мечтал больше,
сознавая, что каждая минута с закрытыми глазами —
это потеря шестидесяти секунд света.

Я бы ходил, когда другие от этого воздерживаются,
я бы просыпался, когда другие спят,
я бы слушал, когда другие говорят.

И как бы я наслаждался шоколадным мороженым!
Габриэль Гарсиа Маркес Прощальное письмо

Пролог

«Состояние ребенка крайне тяжелое, за счёт обезвоживания, истощения, полиорганной и дыхательной недостаточности. В области глаз имеются повреждения травматического характера... Как же это написать?» – ведущий детский реаниматолог, заведующий центром интенсивной терапии вздохнул, потёр лоб и снял очки. Свет настольной лампы резал глаза, но врач не замечал этого. Один на один с чистой страницей истории болезни, опытный доктор был совершенно растерян.

Ещё днем, убегая с работы, Михаил представлял, как этой же ночью, махнет на рыбалку, а ранним утром, сидя с удочкой на берегу озера, будет наблюдать за тем, как мало-помалу просыпается лес.

Зеркальная гладь воды, невесомая дымка тумана, пронизанная лучами рассвета, шелест листвы, редкие звенящие трели просыпающихся птиц, всё это помогало ему, хотя бы на время, отстраниться от непрерывной борьбы между жизнью и смертью, каждый день происходившей у него на глазах.

Когда, в два часа ночи, настойчивый телефонный звонок вторгся в тишину дома, Михаил был почти собран к выезду и проверял рыболовные снасти.

– Док, пожалуйста, извините! Не хотелось вас беспокоить,

но сами не справимся! – отрывисто звучал в трубке голос ординатора. – Поступил ребёнок, ему месяцев шесть-восемь, не больше! Очень тяжелый! Сначала подумали, что он не живой уже, но сердцебиение всё-таки пока есть. Сейчас готовим его к операции. Машина выехала за вами.

– А что с ним случилось?

– Да ничего толком не известно. Мальчика вместе с матерью нашли рабочие в загородном парке. По всему было похоже, что она не в себе. Женщину отправили в психиатрическую клинику, а ребёнка к нам.

– Верните машину, я сам сейчас приеду. Так будет быстрее.

Уже в больнице, глядя на почти безжизненное тельце, врач понял, что времени на душевные переживания совсем не осталось. «Кто же это тебя так, дружище?..» – только пробормотал реаниматолог.

Главный хирург-офтальмолог, которого также срочно вызвали из дома, заключил: «Повреждения весьма значительные... Я, конечно, попробую что-нибудь сделать, но зрение восстановить вряд ли удастся. А вот перенесёт ли он операцию, будет зависеть от вас, Михаил».

Тишину операционной прерывал лишь монотонный пульс кардиомонитора. Для опытного реаниматолога время операции состояло только из этих звуков, и главное, чтобы они отрывисто следовали один за другим, а не сливались в одну бесконечную ноту.

Спустя три часа, когда хирург уже заканчивал оперировать второй глаз, у ребёнка всё-таки произошла остановка сердца. Однако, восстановить сердцебиение удалось довольно быстро, и когда операция закончилась, реаниматолог облегчённо вздохнул: «А ты крепкий парень, дружище...»

Михаил был уверен, он всё сделал правильно, и теперь, то, что последует дальше, будет зависеть уже не от него.

Илона

1

США

Штат Северная Каролина

Чарльстон, январь, 2004 год

«Господи! Я задыхаюсь здесь!»

Илоне почудилось, что стены палаты сдвигаются и сейчас раздавят её. Девушка провела рукой по серой, будто покрытой толстым слоем пыли стене, вскочила, босиком бросилась к зарешёченному окну, но открыть не смогла. Она прислонилась пылающим лбом к стеклу и затихла. Ветер гнал густые, чёрные тучи, они уже почти закрыли небо. Остался лишь рваный кусок у самого горизонта, розовеющий рассветом, но через минуту и его не стало. Отблески молний и, почти сразу, следом: раскаты грома. Дождь обрушился на землю. В воздухе повисла серая пелена.

В такую погоду, когда ветер разбивал тёмные волны о скалистый берег и миллиарды капель устремлялись к покрытому серой мглой небу, Илоне становилось легче. Спокойнее что ли. Она старалась удержать это зыбкое чувство, но знала, ночь вернёт ей тот кошмар, который преследовал её. Он приходил беззвучно. Наваливался сзади, где-то между лопаток, проникал в затылок, смыкался кольцом в горле. Давил на грудь так, что невозможно было вдохнуть, спускался в живот и ватной волной уходил в ноги. Илона сжимала челюсти,

превращаясь в деревянную куклу. Через пару минут он отпускал, оставляя тошноту и тяжесть в груди. Девушка стонала, цеплялась за взмокшую простыню, и никто из персонала не мог её разбудить.

Поначалу, Илона ничего не помнила о себе. Воспоминания возвращались медленно, проблесками, как старые фотокадры. Сперва, короткие фрагменты детства: цветущий вишнёвый сад, аромат яблок и голос бабушки, настойчиво зовущий к обеду. Позже – университет, и только недавно – сын. Временами, Илона слышала, как он зовет её, а порой, видела во сне и почему-то не могла посмотреть в его глаза. Синие-синие, как море, и как у него.

Когда-то, Илона верила, что без этих глаз не сможет дышать. Теперь хотела забыть, но воспоминания, то и дело, возвращали её в уютное летнее кафе. Монотонный шум прибора, морской бриз с запахом горячего шоколада укутывали, как бархатный плед. Рыжий кот, постоянный посетитель, курсировал между столиками, лениво помахивая хвостом. Илона с подругой частенько заходили сюда поболтать и выпить чашечку любимого Латте.

США

Штат Северная Каролина

Чарльстон, июнь, 2002 год

Они встретились жарким июньским днём. Таким жарким, что в воздухе вместе с тополиным пухом искрилось солнце. Гостей в кафе было мало. Подруги со смехом вспоминали нового преподавателя. Тот, скрывая неуверенность, хмурился, пытался говорить строгим голосом, но, всё равно краснел под прицелом вопросов сокурсников.

За столиком напротив, сидел элегантный мужчина, лет тридцати или немного меньше, в голубом костюме, под цвет его синих глаз. Он задумчиво смотрел в лазурную морскую даль. Запотевший бокал красного вина, стоял рядом, но мужчина, казалось, забыл о нём. Неожиданно он повернулся и посмотрел на Илону.

Этот взгляд был безбрежным, синим, до головокружения. Квантовый переход в другое измерение Вселенной. Сердце стучало в висках, исчезли люди, время, город. Осталась только мысль: «Может быть это ты?»

– Илона, ты где? Мне пора, – подруга заторопилась домой. Ей нужно было встретить из школы младшего брата. Девушки встали и направились к выходу. Поравнявшись со столиком незнакомца, Илона приостановилась, чтобы ещё раз

взглянуть на него. Незнакомец поднял на девушку глаза, достал из борсетки ручку, прямо на салфетке размашисто написал номер телефона и протянул Илоне:

– Позвоните, когда будет время, – сказал он даже слишком уверенно. Низкий голос показался Илоне знакомым. Она взяла салфетку, не раздумывая вынула телефон и тут же набрала. Раздался мелодичный звук телефонного звонка.

– Меня зовут Илона. Теперь, и вы знаете мой.

Рыжий кот, на подоконнике, жмурился и мурлыкал.

«Как странно. Еще минуту назад всё было по-другому. И чему я так радуюсь? Я ведь совсем его не знаю», – думала Илона по пути домой, но улыбалась и, с замиранием сердца, вспоминала его глаза.

Ей было девятнадцать. Илона мечтала о любви.

«Ты опять напялила эти джинсы. Хоть бы раз оделась по-человечески!» – буркнула мать и шаркающей походкой направилась в кухню. По дому разносился аромат тушёного мяса.

– Мм... Как вкусно пахнет! Я так есть хочу! – крикнула ей в след Илона, и побежала в ванную. Струи воды смывали с ладоней белые пузырьки. Сливаясь в хлопья, они исчезали в водовороте. Илона смотрела на своё отражение в зеркале. Чуть вздёрнутый нос, выющиеся каштановые пряди, серги-гвоздики, пара чокеров, дешёвый браслетик, огибающий тонкое запястье. И взгляд карих глаз, в котором пряталось что-то детское, озорное и одновременно застенчивое, будто она сама не знала, смеяться ей или краснеть. «Я выгляжу, как подросток. Он и не вспомнит обо мне завтра».

Детство Илоны можно было назвать одним словом – свобода. Мать постоянно была занята. Отца девушка не помнила, он умер, когда ей исполнилось два. В этой свободе, одиночестве и холодность матери, возмещались полным отсутствием контроля. Иногда, мать срывалась. Первым признаком надвигающейся бури был колючий взгляд, она будто искала повод, затем, крики, слёзы. Илона, глядя в пол, слушала и ждала, когда же это закончится. Так было легче. Изредка, у матери появлялись ухажёры, тогда, она делалась улыбчивой

и приторной, как засахаренный сироп, но всякий раз, отношения быстро заканчивались.

Знакомых у Илоны было много, из друзей, только Ирэн. Вместе, они гуляли по набережной, заходили в кафе поболтать, избегали шумных вечеринок. Илона любила одиночество. До той самой встречи, она очень любила рисовать.

Его звали Рональд. Редкое и мужественное, по мнению Илоны, имя. Весь следующий день она слонялась по дому. «Да нет же, это всё полная ерунда. Он точно не позвонит. Так не бывает», – уверяла себя девушка, но какое-то ёкающее чувство в груди, то и дело вынуждало её проверить не пропущен ли вызов.

«Илона, здравствуйте, это Рональд, вы любите гулять?» – раздался, наконец, уверенный голос в трубке. Одна ожидаемая фраза, тот голос, который хотелось услышать, и всё стало ярким, будто ветер, разогнав густой туман, освободил солнце. «Да, люблю», – выдохнула она, выключила телефон и зажмурилась.

Спустя час, они брели по пустынному берегу. Волны бились о тёмные скалы и возвращались в море. Илона сбросила босоножки и, при каждом шаге, мягко погружала ступни в тёплый песок. Рональд, держа её за руку, что-то говорил, но шум прибоя почти заглушал слова. Илона слушала и не слышала.

Ей нравилось в нём всё, как он одет, как говорит, двигается, улыбается. В кафе на берегу, отблески заката переливались в бокалах красного вина. Они смотрели друг на друга и молчали, потом, снова гуляли. Тёплый июньский вечер. Плеск волн. Всё, как обычно, и в тоже время – впервые. Ило-

на и Рональд сели на ещё тёплый песок, закат расстелил перед ними сверкающий путь к самому горизонту.

– Как думаешь, куда он ведёт? – задумчиво спросила Илона, склоняя голову Рональду на плечо. Он, пристально глядя вдаль, ничего не ответил.

Жёлтое такси зашуршало гравием у дома Илоны. Рональд выскочил из машины, чтобы открыть дверь спутнице, но не успел. Илона уже вышла и прильнула к нему. «Больше не делай так, – поморщился он, но тут же шепнул, – моя девушка должна подождать, как настоящая леди. Я позвоню завтра». От слов: моя девушка, сердце Илоны замерло. Она кивнула в ответ, покраснела и помчалась домой. Мама уже спала. Илона на цыпочках пробралась в комнату, мигом разделась и легла в постель. Она боялась, что мать проснётся и начнёт расспрашивать, а ей так хотелось помечтать.

«Ужас! Четверть десятого! А вдруг он в десять позвонит!» – едва открыв глаза, Илона схватилась за телефон. На ходу, девушка стянула пижаму и помчалась в душ. «Илона! Ты что не слышишь? Где ты шлялась вчера? Совсем учёбу забросила. Кругом одни наркоманы, а ты гуляешь с кем попало! Это добром не кончится!» – не унималась мать. Пропустив мимо ушей многообещающую тираду, Илона плотно закрыла дверь в ванной и вздохнула: «Ну сколько можно?! Я взрослый человек. Разберусь как ни будь сама». Ледяные струи стекали по лицу, мурашки бежали по коже, но внутри разливался жар. Она знала: этот огонь водой не погасить.

Весь день Илона не выпускала телефон из рук. К обеду, она окончательно потеряла надежду и еле дождалась ночи. «Может завтра? Может срочные дела какие-то?» – лёжа в постели, успокаивала себя девушка. Но дни, дождливые, под стать её настроению, заполненные томительным ожиданием, тянулись один за другим. Дважды, пересилив страх, Илона звонила сама, но телефон твердил, что абонент недоступен. «Он просто меня забыл. Видимо, я была не таким уж занятным развлечением», – наконец, решила она. Илона достала кисти и размашистыми мазками писала море, тучи, пылающий закат, острокрылых чаек, реющих на ветру.

Телефон зазвонил через два месяца.

– Илона, это Рональд. Вы, наверное, уже забыли меня? Мне пришлось срочно уехать, я не смог предупредить. Знаю, что подвёл. Дайте мне шанс – ужин в ресторане. Я всё объясню.

Два месяца Илона просыпалась с тяжёлым чувством, что надо открыть глаза и вернуться в холодный мир, от которого спасал только сон. И вот теперь, когда она слышала голос, который ждала так долго и перестала ждать, девушка не могла сказать и слова.

– Илона? Вы здесь? Ну скажите хоть что-нибудь! Ругайте меня сколько хотите, я заслужил. Только дайте мне ещё один шанс, поедemте в ресторан.

Она перевела дыхание и прошептала:

– Через полчаса... Примерно.

Ровно через тридцать минут, к скромному дому подкатил чёрный мерседес. Водитель в белоснежной рубашке открыл Илоне дверь, поклонился и подал руку. Мотор взревел. Мерседес тронулся с места. Всей кожей Илона чувствовала, как глазают соседи, но сердце колотилось в груди, а щёки предательски краснели совсем не поэтому. Рональд смотрел на неё так, что девушка не могла поднять глаз.

– Ну наконец-то! – молодой человек улыбнулся, но не радостно, а так, будто ждал ровно столько, сколько был готов ждать. – Джордж, давай в «Ролланс».

Он потянулся к Илоне и, почти касаясь губами щеки, шепнул:

– Тебе понравится.

Рональд откинулся на спинку сиденья, накрыл широкой ладонью кисть Илоны, рука девушки дрогнула в ответ. Он пристально посмотрел на неё, охватил кисть и поднёс к губам.

– Ты как? Всё нормально? – спросил он.

– Да, всё в порядке, – справляясь с дрожью в голосе, ответила Илона.

Остаток пути она молчала. Изредка поправляя непослушные пряди волос, девушка смотрела в окно, а Рональд поглядывал на её губы, шею, тонкие руки, очертания маленькой груди, видневшиеся под тонкой тканью платья и, прикрывая глаза, представлял её запах.

Толстый лакей с раскрасневшимся лицом, в униформе и белоснежных перчатках, распахнул перед ними дверь. Он склонил голову на бок и смерил Илону таким взглядом, что той захотелось немедленно сбежать. В полумраке просторного зала мерцали свечи, покачивались силуэты гостей, беззвучно сновали официанты, изредка позвякивали столовые приборы. Никто не смотрел на них, но Илоне показалось, что она сейчас провалится сквозь землю или, того хуже, упадёт в обморок. «Я как инородная деталь какая-то», – подумала девушка. Гораздо больше, ей хотелось в любимое кафе на берегу моря, но, чтобы не огорчить Рональда она, изо всех сил, старалась не подавать виду. Чуть дыша, Илона смотрела на сверкающие столовые приборы и думала, не отказаться ли ей от еды, сославшись на то, что не голодна.

Рональд, напротив, вёл себя, как дома. Взглядом ленивого кота он изучал посетителей. «Свечи», – бросил молодой человек худощавому официанту, и не глядя на него, взял меню в кожаном переплёте цвета тёмного шоколада. Перелистывая пухлые страницы, Илона не понимала даже названий. Она слышала только об устрицах, да ещё, видела в кино немало казусов о том, как их сложно есть. «Ни чего себе, цены! – про себя ужаснулась девушка. – Да здесь одно блюдо стоит больше, чем мы с мамой тратим за неделю!»

Официант ждал. Эта немая сцена затянулась и похоже тяготила всех, кроме Рональда. Он с улыбкой смотрел на спутницу, время от времени, слегка покусывая губу. Наконец, он повернулся к официанту:

– Не мучайте её. Она не из этого мира, я сам закажу. Принесите нам Сибас с дыней и сорбетом Юдзу, Севиче из лосося, четыре устрицы розовые Джоли, а на горячее Тальятелле с ракушками Вонголе. Кроме того, бутылочку «Шато Карбонье» Блан, и для дамы на десерт Каламанси-фисташка.

Рональд говорил, отчеканивая каждое слово. Илона, смотрела на него, как на спасителя.

– М-м-м... Попробуй! – он придвинул к ней тарелку. – Устрицы с белым вином – лучшая вещь на свете!

– Нет! – Илона пожала плечами и прерывисто пояснила, – Я не люблю их. Слишком склизкие, не понимаю, что в них находят.

Терпкое вино, приглушённые звуки музыки и, конечно, синие глаза Рональда, понемногу снизили напряжение, однако, разговор не клеился. Илона, не знала правил столового этикета, путалась в приборах, и когда, наконец, подали десерт, выдохнула с облегчением.

– Может прогуляемся? – предложила она. – Так хочется подышать.

– Давай! – не раздумывая, согласился молодой человек. Он и сам хотел немного пройтись после такого обеда. Рональд конечно же видел, как Илона, выбирая приборы, по-

кусывала губы, перекладывала вилку и нож из руки в руку, опасливо накалывала лосось, и всё это умиляло его.

«Наконец-то!» – выдохнула Илона на улице. Ей хотелось остаться с Рональдом наедине.

Сентябрьский вечер пах морем. Лёгкий ветер, уже наполненный полутонами осени, освежал прохладой. Они молча брели по пустынной улице, держась за руки. Солнце почти село. Рональд обнял Илону, посмотрел в глаза:

– Мне пора. Я вызову для тебя такси.

Автомобиль подъехал минут через пять. На этот раз, Рональд ничего не обещал, только мягко пожал Илоне кисть на прощанье, а затем будто отстранился.

«Странно как-то мы расстались. Ну конечно, он больше не позвонит. Я вела себя, как идиотка, в этом ресторане. И за чем только согласилась?» – думала Илона и еле сдерживала слёзы.

С тех пор, они виделись почти каждую неделю. Не так часто, как хотелось бы Илоне, но Рональд всегда приезжал в назначенный день. Он больше не водил её в дорогие рестораны. Им нравились безлюдные пляжи, подальше от чужих глаз. Прихватив с собой вино и фрукты, они расстилали плед где-нибудь в укромном уголке и, под шум прибоя, болтали, смеялись, любовались морскими закатами.

Поначалу Илона замирала от случайных прикосновений. Мимолётных и как бы вскользь. Встреча рук, когда они одновременно тянулись за яблоком; когда он невзначай убирал с её губ прядь мокрых волос, растрёпанных ветром и липнущих к щеке, когда поправлял сползшее с плеча парео. Она запечатывала эти мгновенья в памяти, а потом любовалась ими, затаив дыхание.

Иногда, Илона брала с собой альбом. Девушка делала наброски, а Рональд наблюдал за тем, как она рисует. Словно дети, они бегали босиком по песку. Рональд ловил Илону в объятья, целовал шею, плечи, губы. Илона старалась увильнуть и задыхалась от смеха, но постепенно поцелуи становились спокойнее, глубже и всё чаще останавливались на губах.

От горячего дыхания, прикосновения губ, слегка подрагивающих ладоней, скользящих по бёдрам, девушку охватывала дрожь. Илона закрывала глаза и доверялась ему без

остатка. Первая близость открыла Илоне что-то совершенно незнакомое, словно в ней проявилась какая-то иная часть, слабая и могущественная одновременно. Она смотрела на лежащего с закрытыми глазами Рональда и нежно водила пальцами по бровям, спинке носа, губам, как бы рисуя портрет любимого на своём сердце.

С наступлением холодов, молодые люди встречались в небольших загородных отелях. Иногда, Рональд уезжал. Она считала дни, часы, минуты... Как-то раз, после очередной поездки, он позвонил:

– Сегодня идём в блюз- клуб! Поверь, лучше не придумаешь. Через час буду. Поторопись. Я соскучился.

Илона быстро собралась и вышла на улицу. Начиналась зима. Из нависших туч на землю сыпала мелкая ледяная крупа, ветер забирался под пальто. Девушка поёжилась. «Почти полгода... Как я раньше жила без тебя?»

Машина въехала во двор. Илона скользнула на сиденье, прильнула к Рональду и чмокнула в щеку:

– Ну наконец-то!

Место и правда оказалось особенным. В зале, до отказа забитом столиками, витал сигаретный дым, пронизанный неоновым светом. Музыканты творили что-то невероятное. Казалось, звуки проникают в самое сердце. Девушка смотрела на Рональда и улыбалась.

– Илона, я говорил тебе, что ты красивая? – шепнул он. Илона опустила глаза и покачала головой.

– Нет, раньше не говорил, но я и так знаю. Скажи, ты будешь помнить этот день всю жизнь? Ведь всё проходит. Как думаешь, а можно помнить и забыть одновременно?

Илона посмотрела в синие глаза Рональда, склонила голову на бок и поправила волосы, тем особенным, свойственным только ей, жестом. На доли секунды, рука девушки делалась лёгкой и словно прозрачной. От неё будто струился свет. Сердце Рональда замирало, когда Илона так делала, но он бы ни за что не сознался ей в этом.

– Рональд, а давай встречать Рождество вместе?

Рональд

8

«Ну, вот опять», – выдохнул Рональд и отвернулся в сторону сцены. В глазах промелькнула тень недовольства, но Илона, ничего не заметив, с улыбкой ждала ответа. Ему начинало это надоедать. «Ну что ей ещё надо?» Когда она смеялась, рисовала, как ребёнок, убегала от волн на пляже, Рональду хотелось обнять её и больше не отпускать ни на минуту. Только это ничего не меняло. В его жизни нет места для глупой лирики.

Уж он-то лучше других знает цену успеху. Унижения, ненависть, обиды – он прошёл через всё, чтобы стать тем, кто он сейчас. И вот теперь, когда наконец, он стал, нет, не независимым, лишь немного более уверенным, нужно от всего отказаться ради наивной девчонки? «Какая всё-таки глупость! Я слишком хорошо помню место откуда вылез и с каким трудом мне это удалось!»

В миг, перед глазами каруселью замелькали кадры из прошлого, которые он так усердно замазывал последние годы. Вот, уставшая мать в изношенном платье укладывает спать в стельку пьяного отца, а потом, со стеклянным взглядом, долго сидит на кухне. Вот, отпрыски состоятельных роди-

телей при виде Рональда, кричат изо всех сил: «Эй, крысятина, топай быстрее!» Похороны отца, серое лицо матери, испуганные глаза младшего брата, окончание школы, работа охранником в ночном клубе, пьяные проститутки, драки. Казалось, жизнь испытывает его на прочность и готовит к новым испытаниям. Всё изменилось неожиданно.

США
Штат Северная Каролина
Чарльстон, 4 июля, 2001 год

Город гудел – День Независимости. Праздничная суматоха царила повсюду. Радостные возгласы, смех, пронзительные гудки автомобилей, развевающиеся на каждом углу государственные флаги, толпы народу заполнили набережную. Уличные торговцы спешили пополнить карманы и рядами выстроились на площади. Ветер вместе с дымком разносил аромат жареного мяса. Рональд медленно пробирался сквозь этот бурлящий поток, сам не зная куда. Друзья звали его на яхту, но пришлось отказаться. До зарплаты оставалось ещё полмесяца, а деньги уже почти закончились. Кроме того, нужно было срочно платить за квартиру. Пухлый юнец за столиком в уличном кафе, с таким аппетитом уплетал свиные рёбрышки-барбекю, что у Рональда свело желудок. «Вот обжора! А тут, хоть бы кружку пива выпить». От жары, футболка липла к спине. «Лучше пойду домой», – решил он, но, задержался, засмотревшись на белоснежную яхту. Волны покачивали судно, как колыбель, ветер раздувал паруса,

морская гладь сверкала солнечными бликами.

– Молодой человек, вы мне не поможете? – дама лет сорока пяти с улыбкой протянула ему листок бумаги. Рональд не сразу понял, что от него требуется.

– Прочитайте, пожалуйста, адрес, – пояснила женщина. Серые глаза незнакомки смотрели сквозь него, а во взгляде будто бы отражалась бесконечность. «Она слепая?!» – наконец-то сообразил Рональд.

– Вы не проводите меня? Буду вам очень благодарна. Я здесь совсем недавно. Это адрес моей школьной подруги, мы не виделись, наверное, лет двадцать.

«Откуда ты взялась на мою голову?» – подумал юноша, но отказать почему-то не смог.

– Конечно мэм, – неожиданно для себя согласился Рональд, с той своей самой обворожительной улыбкой, которую использовал, когда хотел познакомиться с девушкой, но, в ту же секунду осознал, как это глупо. «Она же ничего не видит».

– Меня зовут Элеонора. А вас? Машина здесь, неподалёку, – сказала женщина и протянула ему руку.

– Рональд, – ответил он.

«Удивительно, эта женщина, так хорошо ориентируется!» – про себя удивился молодой человек, когда они сели в чёрный Мерседес с тонированными стеклами. От прохлады в салоне Рональду полегчало. «Дорогая машина. Интересно, кто эта женщина и зачем мне её провожать? Водитель, что

сам не мог разобраться?»

– Леандро тоже не местный. Мы окончательно запутались в здешних закоулках. Уж простите нас за беспокойство! – словно читала его мысли незнакомка.

Минут через двадцать, машина подкатила к дому, мрачный вид которого напомнил Рональду средневековый склеп. В зарослях заброшенного сада, ветви деревьев сплелись так густо, что свет почти не проникал в пропахшие прелой листво́й дебри. «Хмурое место. Провожу до двери и сразу домой», – решил про себя Рональд.

– Дорогая, как же я рада тебя видеть! – крупная женщина, лет шестидесяти, вся увешанная бусами, в ярко-зелёной блузке с безумным количеством рюшечек, обняла худощавую Элеонору так, что та, казалось, сейчас переломится. Подруга оглядела Рональда и хихикнула:

– Познакомишь с таким обаятельным спутником?

– Конечно, Марианна! Это Рональд – наш спаситель. Надеюсь, у тебя найдётся для него бокал вина. Он так меня выручил.

– Конечно! Ну, проходите же скорее! Ой, у меня столько новостей! Ты будешь в шоке!

Подруга подхватила Элеонору под руку, женщины направились в гостиную, и Рональду ничего не оставалось, кроме как последовать за ними.

Подруги без умолку говорили о чём-то, точнее, говорила по большей части Марианна. Порой, она приглушённым го-

лосом переходила на испанский. Её пышная грудь колыбалась от смеха, а пухлые белые пальцы, то поправляя рюши на блузке, то перебирали разноцветные бусины, то подносили к губам запотевший от жары бокал белого вина. Элеонора слушала её с улыбкой, кивала головой и пожимала плечами.

Рональд сидел на велюровом диване, время от времени, ёрзал на месте и совсем не вникал в разговор. Бархатные кресла, шкафчики с миллионом нелепых статуэток, камин, белоснежные свечи в изящных подсвечниках, картины в позолоченных рамах, хрустальная люстра – всё здесь было пропитано богатством, чужим и неудобным. Со старинных портретов люди в тёмных одеждах смотрели на Рональда, и от этих взглядов, ему становилось не по себе. «Просто галерея теней какая-то. И почему жизнь так не справедлива? – подумал молодой человек. – Мы вшестером ютились в двух комнатах. Мать работала с утра до ночи, чтобы хоть как-то свести концы с концами, а эта старуха живёт совсем одна в этой огромной каменной могиле». Он смотрел на смеющихся подруг, потирал влажные ладони и ощущал, как с каждой секундой, что-то тяжёлое всё больше давит на грудь.

Туманный вечер опустился на город. Аромат липы звучал в воздухе, в унисон с шумом морского прибоя. «Наконец-то вышли из этого склепа!» – с облегчением выдохнул Рональд. «Как бы от неё отделаться? Вот прицепилась!» Элеонора держала молодого человека под руку, по узкой дорожке, они не спеша направлялись к калитке.

– Что-то машины не видно, – забеспокоился Рональд.

– Не волнуйтесь, Леандро скоро будет и мы отвезём вас домой. А пока, давайте немного прогуляемся.

Тягучий голос Элеоноры, как будто сковывал Рональда, и в очередной раз, он не смог отказаться. «Странная она, всё-таки», – лишь мельком подумал молодой человек.

Женщина что-то без умолку тараторила, а он машинально кивая головой в ответ, думал совсем о другом: «Она богата, не так уж стара. А почему бы и нет?»

– Рональд, где вы? Вы сейчас не со мной. О чём вы думаете?

– Простите мэ, мне бы хотелось... – молодой человек отвел взгляд в сторону, но Элеонора перебила его.

– Рональд, я хочу пригласить вас на ужин, в благодарность. Я знаю один милый ресторан, там отлично готовят на гриле дорадо с крабом. Я вообще предпочитаю итальянскую кухню. А вы?

Рональд нахмурился, он не знал, что ответить, однако Элеонора мгновенно поняла свою оплошность, взяла его за руку и продолжила:

– Отказа я не приму. И ещё, очень вас прошу, прекратите называть меня мэм.

Её горячая кисть слегка подрагивала. Рональд не переставал удивляться, как хорошо ориентируется эта женщина. Так хорошо, что ему постоянно приходилось напоминать себе о том, что она слепая.

– Я согласен, мэм, – произнёс молодой человек. «Хоть по-ем по-человечески. И притворяться не надо, всё равно, ничего не видит», – подумал Рональд, и с лёгкой усмешкой, посмотрел в пустые глаза Элеоноры.

Спустя несколько минут вернулся Леандро. По пути в ресторан, покачивание автомобиля и монотонный шум колёс убаюкали Рональда. Молодой человек задремал. Он очнулся только, когда машина остановилась у широкой лестницы, ведущей ко входу. «Такой шанс нельзя упускать. Пора действовать. Даже если это на время, и пусть», – уже не сомневался он, поднимаясь по мраморным ступеням.

Яркий свет мерцающей, как созвездие, люстры отражался от белых стен, гладких скатертей, полированной мебели, серебряных столовых приборов, на секунду, Рональда будто ослепило. Молодой человек замер на пороге огромного зала.

– Рональд, столик у окна подойдет? – по-видимому, уже не в первый раз, спрашивала Элеонора.

– Конечно, – закивал в ответ Рональд, хотя, и не понял, о каком столике идёт речь. Сейчас, это было ему безразлично. С глуповатой улыбкой он оглядывался вокруг и совсем не чувствовал голода. Молодой человек словно очутился в другом мире. Запахи блюд, которых он никогда не пробовал, терпкое вино, болтовня Элеоноры, которая то и дело повторяла, как же ей посчастливилось встретить его сегодня – всё кружилось. Рональд откинулся на спинку бархатного кресла. «Ну и наелся же я. Только что-то спать хочется. От вина, наверное...» Он вглядывался в лицо Элеоноры, вслушивался в её голос, но странный туман окутывал силуэт спутницы. Рональд больше не мог этому сопротивляться. Он прикрыл глаза и словно провалился в темноту.

«Где я?» – пытался вспомнить молодой человек, но ни одной толковой мысли на этот счёт в голове не нашлось. Минуту назад, он с трудом разлепил веки и, с чувством, что кто-то бьёт отбойным молотком по голове, обнаружил, что лежит в белой постели. «Так, попробую по порядку. Утром я был с друзьями, потом странная женщина, ужин в ресторане, а потом...» Рональд восстанавливал в памяти вчерашний день с самого утра. «Я был с ней?! Чёрт! Как?! Хотя... Я ведь подумывал об этом. Конечно, не так быстро, но... Она ещё ничего. Просто напился», – наконец, успокоился молодой человек.

Рональд привстал и огляделся. Богато. Душно. Бордовые шторы, зеркало на потолке прямо над кроватью, туалетный столик с множеством каких-то баночек. «Старомодно», – поморщился он и откинулся на подушку.

Дверь отворилась, в спальню вошла седая женщина лет шестидесяти в белом фартуке.

– Меня зовут Вирджиния. Госпожа уехала по делам, мне велено вас накормить. Вы будете есть здесь или в столовой?

– Спасибо, есть не хочется, мне бы таблетку аспирина.

При мысли о еде, Рональда замутило. Каждое слово, болью отдавалось в висках. «Да что за чёрт?!» – подумал он.

Через пару минут, Вирджиния принесла аспирин и стакан

воды с лимоном.

– Госпожа просила вас её дожидаться, – сказала она, чуть прищурившись.

– Конечно, так и сделаю, – процедил молодой человек, осушил стакан залпом и улыбнулся одной из своих обворожительных улыбок. – Я подожду её здесь, если позволите. Пока приму душ.

– По коридору направо, а внизу есть бассейн, если желаете, – уже на ходу буркнула горничная.

«Да уж, сама любезность. Может после душа полегчает», – вздохнул Рональд, встал с кровати, и стараясь не обращать внимания на нестихающую головную боль, направился на поиски ванной.

Элеонора вернулась часа через полтора. Вместе они пообедали и Рональд, наконец-то собрался домой.

– Вечером идём в театр, сегодня премьера, – звонким голосом напоследок сообщила Элеонора.

– Хорошо, – кивнул молодой человек. «Хоть бы спросила, хочу ли я! Да и зачем тебе театр, всё равно же слепая».

Вечером, Рональд понял, зачем ей театр. Там давали оперу.

Элеонора боготворила оперу. Всю дорогу, она без умолку тараторила о том, как замечательно, что ей прислали приглашение на эту премьеру, что «Кармен» – одна из её любимых опер и шедевр в музыке. Она то и дело цеплялась худыми пальцами за руку Рональда и спрашивала, какая музыкальная тема или поворот сюжета ему нравится. Молодого человека от всего этого его начинало тошнить. Он не знал, что ответить, шутил невпопад, и в конце концов, так устал от её болтовни, что готов был сбежать, но в эту минуту автомобиль остановился у входа в театр, и Элеонора наконец замолкла.

Рональд был в опере впервые и почти ничего не понял. Сюжет показался ему наивным, игра артистов не естественной, а музыка чрезмерно громкой. Только бархатный голос Кармен зацепил его. «Неплохо поёт, что-то в ней есть», – подумал молодой человек. Рональда раздражала восклицательная, как по команде, то «Браво!», то «Брави!» публика. Происходящее напомнило ему шоу, в котором кукловод дёргает кукол за ниточки, а они хлопают в ладошки. Ему казалось, что настоящий спектакль происходит не на сцене, а в зрительном зале. «Богатые, а страстей не хватает, вот и смотрят

трагедии», – подумал он. «Браво!» – кричал Рональд вместе со всеми, когда стихли последние аккорды, но как только артисты ушли, тут же сослался на плохое самочувствие и помчался домой.

Оказавшись наконец в комнате, Рональд прямо в одежде, бросился на кровать и уставился в потрескавшийся потолок. Обшарпанные стены, покрытая толстым слоем пыли старая мебель, скрипящая при каждом движении кровать, стул с разорванной обивкой и торчащей из-под неё дугой пружины, малюсенькое грязное окошко, всё это было каким-то родным и тёплым. Своим что ли... словно звуки разыгрывающегося оркестра, путанные обрывки мыслей роились в голове. Он почти ненавидел эту женщину, но свою бедность он ненавидел больше.

Через три месяца Рональд переехал жить к Элеоноре. А ещё через пять, за обедом, аккуратно разрезая серебряным ножом стейк, она, как бы между делом, произнесла: «Знаешь, дорогой, женщина моего возраста и статуса, не может себе позволить такие отношения. Да и тебе ни к чему репутация альфонса. Мы устроим шикарную свадьбу! Пусть все лопнут от зависти! Ты согласен со мной, дорогой?»

Ответа не последовало, да, он и не подразумевался.

Рональд никогда не думал о свадьбе. Более того, семейная жизнь родителей складывалась у него на глазах так, что он решительно отвергал любые мысли о женитьбе. Алкоголизм отца, который во всех бедах винил мать и орал на них с бра- том, бесконечная нужда, всё это привело к тому, что только от одной мысли о свадьбе у Рональда сжимались челюсти.

Его отношения с девушками всегда были лёгкими, ни к чему не обязывающими. Стоило Рональду заметить в подру- ге хоть тень привязанности, он тут же сбегал. О серьёзных отношениях и речи быть не могло. Рональд знал, что не в состоянии обеспечить семью, а повторять участь родителей точно не хотел.

Теперь, судьба предлагала ему стать мужем не молодой, да ещё и слепой, но очень богатой женщины. В ту ночь, Рональд так и не смог уснуть. Не сомневаясь ни секунды, молодой че- ловек решил – он станет супругом Элеоноры. Станет потому, что устал от бедности, потому что хотел денег, однако, ка- кое-то едва заметное, но предательски настойчивое чувство, всё же влекло его домой, в маленькую комнатку, где из окна виднелась полоска пляжа и звёздное небо. Словно какая-то его часть безудержно тянула Рональда обратно в привычный мир. Сам он, однако, был с ней полностью не согласен. «Я смогу, – повторял он. – Такой шанс упускать нельзя».

Свадьба состоялась через месяц. Церемония бракосочетания проходила на свежем воздухе, в саду особняка Элеоноры. Столы, покрытые белоснежными скатертями, украшенные букетами ярко-желтых хризантем и кремовых роз, напоминали облака и были расставлены в форме сердца. Витиеватая фарфоровая посуда с позолотой, натёртые до блеска бокалы, серебряные столовые приборы, хрустящие салфетки добавляли красоты. Закуски на любой вкус радовали глаз. Мясные деликатесы и морепродукты, паштеты и соусы, горячие блюда на выбор, экзотические фрукты и трёхэтажный торт никого не оставили равнодушным. Элитные вина и шампанское лились рекой. Как бессловесные тени, слуги в белоснежных ливреях скользили между гостями и сиюминутно угадывали любое желание.

Сколько было приглашено гостей, Рональд так и не смог посчитать. К невесте бесконечно подходили какие-то люди, улыбались, дарили огромные букеты. Некоторые говорили с ней на французском или испанском языках. Рональд стоял рядом, как стул или шкаф или любой другой предмет мебели, на который никто не обращал внимания. С таким же успехом рядом с Элеонорой можно было поставить табличку с надписью — жених.

Невеста почему-то облачилась в ярко-красное свадебное платье, напоминающее облепленное стразами рюшевое облако, а вместо фаты её голову украшали белый парик и рубиновая диадема. Тонкие алые губы, растянутые в кривоватой

улыбке, выделялись резкой чертой на белом, толстым слоем напудренном лице. Больше всего Рональда раздражали эти губы. Всем своим нарядом, резкими возгласами и ужимками Элеонора будто демонстрировала вызов непонятно кому и непонятно зачем. Она то и дело пожимала плечами, громко хлопала в ладоши и, также как и все остальные гости, совершенно не замечала Рональда. Он жутко устал и ждал только одного – когда же всё это закончится?

Вторым, не менее тяжёлым испытанием для жениха стал танец молодоженов. Элеонора почему-то выбрала мазурку. Уже от названия у Рональда пересохло во рту, а когда дело дошло до репетиций, он твёрдо понял, что – не танцор, и в жизни не чувствовал себя более неуклюжим и нелепым. Рональду никак не удавался этот шаг с проскальзыванием одной и поднятием другой ноги. Он не попадал в такт музыке, забывал фигуры, постоянно цеплялся за руку партнёрши, терял равновесие и раскачивался из стороны в сторону, как фонарный столб на ветру.

«Ты слонопотам какой-то! Включи мозги, наконец!», – вопила Элеонора, а хореограф терпеливо повторял движения. Рональду было совершенно непонятно, для чего в мазурке нужны мозги, но он потел, подсказывал, разводил руки в фигурах и молча злился на себя, на Элеонору, на хореографа. Эти труды всё же не пропали даром. Вопреки волнению жениха, на свадьбе, пара выглядела довольно грациозно, но во время танца, Рональд не видел ничего вокруг, кроме ди-

ко-ярких губ Элеоноры.

На автомате, он повторял заученные движения и только один раз, уже на предпоследней фигуре, молодой человек внезапно споткнулся, рухнул на четвереньки и уткнулся носом в шлейф платья невесты. Рональд больно ударился коленями и издал короткий звук, похожий на тихий рык. Жених покрылся профузным потом, и в попытке, как можно быстрее встать, запутался в длинных юбках невесты. Элеонора обернулась, двумя руками, как пантера, подцепила его и поставила на ноги. Всё произошло за доли секунды и, не смотря на казус, танец был закончен под громкие аплодисменты гостей.

Однако, самое неприятное впечатление на Рональда произвела пожилая дама, которая подошла к молодожёнам сразу после церемонии бракосочетания. Женщина натянуто улыбнулась, обняла Элеонору и хрипловатым голосом сказала: «Поздравляю, дорогая сестрёнка». Вид этой дамы был, по меньшей мере, странноват. Бесформенный костюм серого цвета с брошью в виде паука на лацкане и такая же нелепая шляпа с бантом, совсем не сочетались с бриллиантовым колье, стянувшим морщинистую шею. Но главное – её взгляд, он был таким колючим, что молодой человек, как нашкодивший ребёнок, ощутил прилив холодного оцепенения. Дама слегка прищурилась, взяла его руку и, почти уткнулась носом в ладонь. Она покачала головой и что-то быстро проворковала, похоже на испанском. От этого прикосновения и

невнятного бурчания у Рональда похолодело внутри. Молодой человек, через силу, улыбнулся и, когда старуха, наконец, ушла выдохнул с облегчением.

– Это Анжелика, моя троюродная сестра. Её не любят в семье. Она вообразила себя прорицательницей, и слова её частенько сбываются. Хочешь знать, что она сказала? – Элеонора обратила лицо в сторону Рональда и, глядя сквозь него, подняла брови. На щеках невесты проступил румянец, красные губы слегка подрагивали.

– Я не верю в такую ерунду. Что может знать почти выжившая из ума старуха? Посмотри на неё, как она выглядит, во что одета. Она не в здравом уме, это же очевидно, – парировал Рональд.

– И тем не менее, она сказала: «Какой юный мальчик, как жаль...» А скажи честно, тебе жаль?

Лицо Элеоноры вдруг помрачнело, брови опустились вместе с уголками губ.

– Не понимаю, о чём ты, – пробормотал Рональд и отвернулся. Из всех сил он скрывал прилив жара к лицу, бешеный стук сердца и взмокшие ладони. Лишь одна мысль пульсировала в голове: «Никаких эмоций!»

А эмоции нахлынули. Навалились так, что в глазах потемнело. Захотелось кричать: «Всё, хватит! С меня достаточно! К чёрту! И свадьбу эту, и этих твоих полоумных богачей! Всех! Что со мной происходит? Почему меня не радует эта свадьба? Разве не этого я хотел? Роскошь, деньги, круг об-

щения, разве не ради этого я решил жениться? Ну понятно, я не их круга, с чего бы им любить меня? Да и плевать я хотел на них, и на их любовь. У меня другая цель. Я – мальчик, родившийся в семье нищего алкоголика, сейчас сижу вот здесь, пью дорогущее вино, закусываю устрицей! Рональд, делай своё дело. Всё идет по плану. По твоему плану, Рональд!»

Внутренний шторм постепенно стих. Молодой человек глубоко вздохнул, поднял голову и только сейчас заметил, что Элеоноры рядом нет, а за столом осталось лишь несколько пьяных гостей. «Странно... Куда все подевались? Да и ладно. Пойду пройдуся и, если Элеонора не вернётся, лягу спать. В конце концов, это не я исчез в неизвестном направлении», – решил он и вышел на улицу.

К вечеру, погода испортилась. Ветер раскачивал чёрные ветви деревьев. Сквозь тёмные тучи, время от времени, проглядывал однобокий ярко-желтый круг луны. Звёзд совсем не было видно. «Где же Элеонора, и где все гости?» – недоумевал молодой человек. По узкой дорожке, Рональд медленно шёл к маленькому пруду в глубине сада. Он вдыхал полной грудью прохладный воздух, словно хотел от чего-то освободиться. Внезапно, прямо перед собой, Рональд увидел толпу гостей, окруживших пруд, а через секунду, прямо из воды в небо вырвались огненные струи свадебного фейерверка. Молодой человек опешил и остановился. У него не было никакого желания подойти ближе. Огненные шары с грохотом разрывались, растворяясь разноцветными полоса-

ми. Гости хохотали и восторженно аплодировали. Неподалеку, Рональд заметил воркующую парочку. Мужчина обнял девушку за талию и прижал к себе, та что-то шептала ему на ухо, яркие вспышки фейерверка освещали их лица. «Что со мной? Где теперь я? Хватит! Пойду спать». Рональд развернулся и зашагал к дому. Элеонору он так и не нашёл.

– Не может быть! Как такое могло случиться?! – вопль Элеоноры заставил вздрогнуть спящего Рональда. Туман перед глазами постепенно рассеялся, и он, смог, наконец, различить силуэт супруги. Элеонора, в небрежно запахнутом розовом пеньюаре, поджав ноги, сидела в кресле у окна. Белая повязка с бордовым камнем на голове жены напоминала восточную чалму, а длинные серьги, покачиваясь в разнотой, растягивали мочки ушей. Прижав левую руку к груди, Элеонора говорила с кем-то по телефону и была явно расстроена. Закончив разговор, она ошарашила Рональда: «Мне нужно срочно уехать, возможно, это надолго. Прости дорогой, но медовый месяц придётся отложить».

Нельзя сказать, чтобы Рональд сильно огорчился, услышав эту новость. «Да и катись», – подумал молодой человек. Его раздражало то, что Элеонора, в очередной раз, всё решила за него.

– Я чувствую, ты огорчен. Пожалуйста, не лги, я слышу это по твоему дыханию. однако, если ты узнаешь причину, уверена, ты меня поймешь. У нас с тобой впереди ещё очень много счастливых дней. И ночей, конечно... – Элеонора нервно хихикнула, но не более чем через секунду, её глаза наполнились слезами, – мне сейчас позвонили со страшной новостью. У моей лучшей подруги большое горе. Её внучка!

Я так хорошо помню эту девочку! Она, вместе с подружкой, сбросилась с крыши высотки! Чудом остались живы, но в тяжёлом состоянии обе в реанимации. Я должна поддержать Карину. Трудно представить, как ей сейчас тяжело! Внучка Альвина – её единственный родной человек! Дочь Карины нашли в гостинице мёртвой десять лет назад. Что произошло, до сих пор неизвестно, было похоже на самоубийство, но Карина в это не верит, да и я тоже. Альвине тогда было четыре года. Карина стала для внучки матерью. И вот теперь... Такое несчастье!

– Знаешь, я понимаю твоё желание быть рядом, но Элеонора, поверь, твоё присутствие ничего не изменит. Ты там будешь страдать, твоя подруга будет страдать, и что? Девочки от этого не очнутся. Подростки, сама понимаешь. Втюрилась, наверно, её внучка. А может, подруга твоя напрягла чем-нибудь. Прости, я, возможно, жесток, просто не хочу с тобой расставаться даже на день.

Рональд потянулся, зевнул и посмотрел в окно, там хорошенькая горничная разговаривала с почтальоном. «Надо будет ей заняться», – мелькнуло у него.

– Не ожидала от тебя! – воскликнула Элеонора.

Удивительно, но порой, в её взгляде эмоции отражались даже ярче, чем у зрячих. В такие моменты, взгляд Элеоноры не был пустым. В эти мгновенья, казалось, слепая жена видит его насквозь, лучше любого зрячего. Вот и теперь, в глазах супруги плескалась ярость.

– Ты меня поражаешь! Надеюсь, ты сказал это сгоряча. Иначе... Я в тебе сильно ошиблась!

С этими словами лицо Элеоноры побледнело. Она замочала, и в этой неожиданной паузе, Рональд увидел совсем другую женщину. Он вдруг ясно понял, что совсем не знает свою жену.

– Дорогая, прости... ну прости... Конечно, поезжай! – забормотал он. – Я действительно ужасный эгоист. Мне просто не хочется с тобой расставаться, вот я и намолол ерунды. Я буду жутко скучать!

Рональд вскочил с кровати, подбежал к креслу и попытался обнять супругу, но Элеонора оттолкнула его, поднялась и вышла из комнаты.

Оставшись один, Рональд подошёл к окну. Серое небо затянуло тучами. Ветер стих и редкие капли дождя постукивали по подоконнику. «Вот это поворот! Глупо признавать, но иногда она меня пугает. Не понимаю, как ей это удастся? Бред...» Смутная тень промелькнула в душе, но, Рональд тряхнул головой и, с мыслями о юной горничной, быстро прогнал неприятное ощущение.

В тот же день, Элеонора уехала. Рональд позавтракал пышным омлетом с тостами, и не смотря на хмурую погоду, решил прогуляться по саду. Там ещё убрали последствия вчерашнего праздника. Кое-где на свадебных столах, стояли пустые бокалы, тарелки с остатками свадебного торта, увядающие букеты. «Вчера, для веселья это было нужно, а се-

годня – просто мусор, от которого хочется избавиться. Если жизнь так устроена, так пусть хоть немного времени, но праздник, а там, будь, что будет...» – выдохнул Рональд, развернулся и направился в дом.

«Так я теперь за хозяина! Уж, я найду, чем заняться», – усмехнулся молодой человек. После отъезда супруги, он чувствовал себя окрылённым этой внезапной свободой, так отличавшейся от прошлой жизни. Просыпаясь ближе к обеду, Рональд завтракал, шёл в бассейн или прогуливался по саду. Развалившись на диване в гостиной, он просматривал глянцево-журналы, пялился в телевизор, болтал по телефону с бывшими, а по вечерам, к нему тайком приходила та самая горничная – Берта. Девушка быстро откликнулась на его намёки. В постели, её темперамент с лихвой возмещал дневное одиночество. Через две недели жена сообщила, что возвращается.

– Мне было хорошо с тобой, жаль, что это наше последнее свидание, – прошептала Берта, прижимаясь губами к щеке Рональда, в ночь перед приездом Элеоноры.

– Ну что ты, глупышка, в конце концов, мы ведь будем рядом и всегда найдем возможность, – ответил он и с улыбкой прижал девушку к себе.

– Да, наверно, ты прав, но сейчас мне пора, – только и шепнула Берта. Девушка вскочила, торопливо оделась и вышла, даже не обняв его на прощанье.

«Что за реакция такая?» – недоумевал Рональд, и опять смутное предчувствие охватило его. Молодой человек

вспомнил мелкие странности последних дней. Больше всего Рональда напрягала Вирджиния – старая служанка Элеоноры. Он прекрасно помнил её неласковый приём. Лишь после свадьбы, Вирджиния сменила откровенную неприязнь на холодное безразличие. Горничная имела свойство появляться в самый неподходящий момент. Стоило только Рональду позвонить бывшей или покурить травку, а он иногда был не прочь повеселиться, женщина непременно оказывалась рядом. Как-то, поздно вечером, Вирджиния зашла к нему в спальню, чудом не застав их с Бертой. А вчера, Рональду показалось, что кто-то рылся в его вещах.

Пытаясь отвлечься, Рональд обнял подушку и закрыл глаза. Вдруг, в коридоре послышались шаги, приближающиеся к двери. «Вернулась! Вот и отлично!» Дверь тихо открылась, но это была не Берта. Силуэт, который он увидел, принадлежал мужчине высокого роста и крепкого телосложения. Не зная, что предпринять, Рональд притворился спящим. Несколько секунд мужчина постоял на пороге, а затем, так же бесшумно закрыл дверь и удалился. Какое-то время шаги ещё глухо раздавались в коридоре, но Рональд не понял, в какую часть дома тот направился. «Кто это? И что всё это значит?» Спину молодого человека обдало холодом. Сердце, казалось, грохочет на весь дом. «И что теперь делать? Вызвать полицию? Позвонить Вирджинии? А вдруг это грабитель?»

Рональд осторожно встал с кровати, на цыпочках, под-

крался к двери и выглянул в коридор. Там никого не было. В доме стояла мрачная тишина. Через несколько секунд, он закрыл дверь и заперся на ключ. «Да катитесь вы все! Тут что-то не чисто. Если это грабитель, пусть забирает, что хочет. Меня это не касается». Пытаясь успокоиться, Рональд вышел на балкон. «Чушь... Бред какой-то...» Он нервно поёжился, постоял немного, вернулся в постель, почти с головой укутался в одеяло и, проваливаясь в тяжелый сон, уже не слышал, как за стеной снова скрипнула половица.

Солнечный луч медленно сползал по стене к белоснежной постели. Когда он добрался до подушки, Рональд потянулся, громко зевнул и приоткрыл глаза. «Интересно, что Вирджиния приготовит сегодня? Опять овсянку, наверное. Знает же, что я терпеть не могу кашу, вот и делает через день, назло. Где эти чертовы тапки?» Он свесил с кровати ногу, начал шарить по полу, и вдруг вспомнил о вчерашнем госте. «Х-м... Мужчина в дверях. Тяжёлые шаги. Может приснилось?» Тапки нашлись под креслом, Рональд натянул их и подошёл к окну.

В ясном небе белоснежные облака собирались в причудливые фигуры. Рональд любил просыпаться в такие дни. Он открыл окно и глубоко вдохнул. «Сегодня Элеонора возвращается. Вот и всё. Свобода кончилась» – подумал он, и внутри что-то кольнуло. Наспех одевшись, Рональд спустился позавтракать, а заодно, и поболтать с Бертой, однако, той нигде не было. Сотовый девушки упорно твердил, что абонент не доступен. Рональд вышел в сад, рассчитывая встретить горничную там, но вместо Берты наткнулся на Вирджинию. Молодой человек не выдержал и спросил, не знает ли она, где Берта, но та со свойственным ей ледяным безразличием ответила, что девушка уехала ранним утром, без объяснений, ворчливо заметив, что ей надоело работать за всех.

«Ну и дела! Вчера и намёка не было! – Рональд нахмурился. – И даже не попрощалась... Хоть бы записку оставила, что ли. Просто взяла и уехала. Странно. Хотя... Наверное, так даже лучше. Вдруг Элеонора заподозрила бы что-нибудь. Мы отлично провели время, но всё хорошее, когда-нибудь, заканчивается». С этой мыслью довольный Рональд вернулся в дом и стал ждать жену.

Элеонора приехала к полудню — уставшая, осунувшаяся, но сияющая. Её пустые глаза, порой пугавшие Рональда, сейчас светились почти по-детски. Это было так странно, что он на мгновение растерялся.

– Слава Господу, всё обошлось! Девочки выжили, Карина пришла в себя. Я там больше не нужна, – она широко улыбнулась. -- Ну а ты тут как, дорогой, соскучился?

На мгновение Рональду показалось, что на губах жены мелькнула лёгкая усмешка. «Да нет же. Не может быть. Мы были довольно осторожны».

– Я так ждал тебя, дорогая! Скучал ужасно. Сегодня почти не спал. Наконец-то ты дома!

Рональд обнял Элеонору и, прикрыв глаза, прижался губами к щеке жены. «Лучше сразу в постель. Не надо ничего изображать», – решил он. Молодой человек подхватил жену на руки и понёс в спальню. Элеонора обняла шею мужа и, словно школьница, болтала ногами. «Вот чудная», – усмехнулся про себя Рональд, и ему вдруг захотелось разжать руки, но, он, конечно, не сделал этого.

– Это было прекрасно, но сегодня ты какой-то другой. Что-то не так?

Элеонора положила голову на плечо Рональда и легонько провела пальцами по губам. Её худощавое тело пахло чем-то приторно-сладким, и то ли от этого, то ли от её прикосновения, он ощутил, как к горлу подкатывает что-то липкое, почти тошнотворное.

– Мне и правда, нездоровится. Я приму душ. Ты не против?

– Конечно нет, – согласилась Элеонора.

Рональд чмокнул жену, скользнул в ванную, подставил голову под ледяные струи и закрыл глаза. Вода жгла холодом лицо и спину, но тело пылало. Рональду вдруг снова захотелось овладеть этой женщиной, сжать её, опрокинуть на постель, заставить замолчать. Он наскоро обтёрся шершавым полотенцем и вернулся к жене.

– А ты у меня горячий парень! – шепнула Элеонора.

На этот раз, когда всё закончилось, он откинулся на подушку и выдохнул с облегчением. Рональд потянул на себя одеяло и вдруг наткнулся пальцами на что-то острое и холодное. Краем глаза он глянул на простыню, в утреннем свете камешек сверкнул, как зрачок. Сердце ухнуло вниз. «Чёрт! Сержа Берты! Как она здесь очутилась?» Молодой человек

тут же спрятал находку в кулаке. Он старался дышать ровнее, делая вид, что просто потягивается.

– Дорогой, ты странно себя ведёшь. Тебе нужен отдых. У меня для тебя сюрприз, надеюсь, ты будешь доволен. После завтра мы едем в Испанию. Мой основной бизнес там. Я бы хотела ввести тебя в курс дел и, со временем, передать часть управления, но для начала, ты должен выучить испанский.

«Я никому ничего не должен!» –хотелось заорать Рональду, но вместо этого он выпрямился, сжал кулаки и тихим голосом произнёс:

– Конечно, любимая. Только я не совсем готов. Нужно захватить к себе, забрать документы и попросить соседа, чтобы присмотрел за комнатой.

Это была ложь. Он просто хотел побыть один и избавиться от этой проклятой серьги.

– Конечно, сейчас пообедаем и поезжай. Леандро отвезёт тебя, – привычным тоном с командными нотками согласилась Элеонора.

– Дорогая, я так давно сам не водил, давай не будем беспокоить Леандро.

– Ну что ж... Сам, так сам, – кивнула супруга.

Кое-как, за обедом, Рональд выдержал болтовню жены, и едва они закончили, на ходу чмокнул в щёку, сел в машину и рванул в город. Однако, поехал он не на квартиру.

Шум прибоя, раздутые паруса яхт, солёный привкус морского ветра на губах. «А может послать эту старуху ко всем

чертям? Дались мне эти богатства?» — сидя за столиком в кафе в сотый раз спрашивал себя Рональд. Но он уже знал ответ. Возвращаться в прошлую жизнь было невозможно. Он слишком привык к шёлку, хорошему вину и мягким постелям.

Две девушки, прямо перед ним, смеясь, о чём-то болтали. Одна из них, та, что сидела чуть сбоку, вдруг повернулась к Рональду. Её взгляд. Он был удивительным — детская озорная искорка смешивалась с такой глубиной грусти, что Рональд на миг опешил.

Минут через двадцать, подруги засобирались и направились к выходу. Проходя мимо его столика, девушка снова взглянула на Рональда. На этот раз чуть дольше. Он, не раздумывая достал из борсетки ручку, размашисто написал на салфетке свой номер и протянул ей:

– Девушка, позвоните мне, когда у вас будет возможность.

Девушка взяла салфетку, уголки её губ дрогнули в улыбке. Рональд вдруг снова почувствовал — нет, не свободу. А что-то вроде надежды.

Илона

18

США

Штат Северная Каролина

Чарльстон, январь, 2004 год

– Доктор, мне плохо. Не понимаю, что со мной. Мне так страшно...

Илона говорила шёпотом, казалось, каждое слово даётся ей с трудом.

– Я и вправду сумасшедшая? Меня душит какое-то дикое чувство вины и эта боль. Она со мной каждую секунду! – теперь, это был не шёпот, а то, что рождается, когда горло сжато спазмом, когда воздуха не хватает, и голос царапает горло. – Как мне избавиться от неё? Что делать?! Зачем она мне? Я не могу так больше...

На щеках Илоны, оттеняя впалые круги под глазами, проступил лихорадочный румянец. Губы подрагивали. Она опустилась на кровать, закрыла лицо, а спустя мгновение, из груди вырвался пронзительный крик, такой отчаянный что у Виктора похолодели пальцы.

Началась истерика. Пришлось срочно вызвать сестру, чтобы ввести успокоительное.

– Доктор, пожалуйста, только не спать!

Илона, так отчаянно сопротивлялась, что психиатр на секунду заколебался, но всё же, необходимо было что-то де-

лать. «Нет, пусть лучше поспит пару часов». Медицинская сестра сделала укол, девушка обмякла и затихла.

Уже в ординаторской, Виктор перечитывал историю болезни новой пациентки и в замешательстве сжимал в руке карандаш. Опытный психиатр, доктор наук, автор множества статей в авторитетных журналах знал, как выглядит безумие. Но эта девушка... Она не вписывалась ни в один из диагнозов. В начале карьеры, Виктор был уверен: психиатрия – его призвание. Теперь, сомнения всё чаще брали верх.

«Болезнь души... Что это? Тоска, от которой нет спасения? Боль, которая уничтожает? Страх? Слабость? Почему эти люди уходят от реальности? Вопросов, много, ответов почти нет. Взять хотя бы Илону. Преступление, которое она совершила не зря привело её в лечебницу для особо опасных душевнобольных. Если окажется здорова, её ждёт суровое наказание. Возможно, смертная казнь».

Врач отложил медицинскую карту и прикрыл глаза.

В день, когда её привезли в клинику, Виктор дежурил. Психиатр только закончил обход, вернулся в ординаторскую, налил кофе и собирался изучить новую статью о проблеме посттравматического стрессового расстройства.

Безучастный взгляд, общее истощение, грязная одежда, изодранные пальцы, юный возраст – никак не вязались с образом злостной маньячки. Для опытного врача было очевидно – девушка находится в шоковом состоянии и, скорее всего, с ней случилось что-то ужасное. Он был почти уверен –

Илона не виновна, но не спешил с окончательными выводами.

Виктор снова открыл историю болезни. Он читал её уже в третий раз, но взгляд останавливался на одной и той же строчке: *«Пациентка не помнит совершённого преступления, находится в глубокой фрустрации...»* Он вздохнул и поймал себя на том, что смотрит в стену и думает не о диагнозе. Он думает о том, как дрожали её губы, когда она просила не усыплять её. И о том, каким тонким, почти прозрачным, казалось её запястье.

Порыв ветра из распахнутого окна качнул жалюзи. Дверь ординаторской отворилась. В кабинет уверенным шагом вошёл заведующий.

– Что у тебя с новой пациенткой, она вспомнила что-нибудь? Я был у главного сегодня, он требует ускорить процесс. Кругом шумиха! Полиция, даже ничего не скрывает от прессы. Нужно разобраться поскорее.

– Я сделаю всё возможное, но, мне кажется, с этой девушкой случилось что-то ужасное.

– Оставь своё великодушие при себе Ты хочешь, чтобы нас объявили покровителями маньяков? У клиники и так репутация не из лучших. Через неделю жду результаты обследования этой ... – он запнулся, – даже не знаю, как её назвать. На проститутку вроде не похожа. В общем, действуй, нужно как можно скорее покончить с этим.

– Я постараюсь, но, если она больна, то нуждается в лече-

нии. Разве не так? Причём здесь мнение общественности?

– Не понимаю, почему ты её защищаешь. В её положении, вряд ли кто-то сможет помочь. Если здорова, её ждет тюрьма или даже смерть, а если больна, то всю оставшуюся жизнь она проведёт здесь, что не на много лучше, заметь. В общем поторопись, – отрезал шеф и вышел, хлопнув дверью.

«Илона Новак...» – Виктор провёл пальцами по имени пациентки на медицинской карте. «А ведь шеф прав. Или тюрьма, или смерть, или психиатрическая клиника. Хорошенький выбор, ничего не скажешь. И что же мне теперь с вами делать, Илона Новак?»

– Доктор, Илона снова потеряла сознание! Я принесла ей обед, спросила, как она себя чувствует, пациентка только поднялась с кровати, и тут же, упала в обморок. Ничего не понимаю! Очнулась почти сразу, но очень слаба. Думаю, будет лучше вам её осмотреть.

Маргарита, медицинская сестра женского отделения, стояла в дверях. Виктор был так погружён в свои мысли, что не заметил, как она вошла.

– Спасибо, Маргарита. Я как раз собирался продолжить обход, – доктор поправил очки, встал, но почему-то замешкался.

– Док, с вами всё в порядке?

Одна из самых опытных сотрудниц больницы, Маргарита многое повидала здесь и, порой, даже молодые доктора советовались с ней.

– Позвольте, я всё-таки скажу, док, – произнесла она, глядя Виктору прямо в глаза, и не дожидаясь ответа, продолжила, – вы знаете, я работаю в этой больнице так много лет, что временами, сама начинаю путать, где бред, а где реальная жизнь. Когда я только начинала, привезли молодую женщину. Её обвиняли в убийстве мужа и сыновей. Младшему едва исполнилось три года. Осталась в живых лишь десятилетняя дочь. Женщина всё время молчала, было очевидно, что она

не в себе. Лечащий врач, признал её вменяемой. Через полгода, женщину казнили, а потом, выяснилось, что муж регулярно истязал детей, а её принуждал смотреть. Однажды, она не выдержала. Тот психиатр уволился. Говорят, спился. А я до сих пор, иногда, вижу её во сне. Слава Богу, последнее время редко.

С этими словами, как всегда статная Маргарита, развернулась и твёрдым шагом вышла из ординаторской. Онемев от удивления, Виктор глядел ей вслед. Никогда врач не видел сестру такой. Молчаливая Маргарита порой была слишком строга с пациентами. Виктор даже как-то хотел поговорить с ней об этом, но так и не решился, однако, сейчас, она внезапно стала его союзником.

Психиатр опустил на стул и задумался. Его карьера складывалась блестяще. Перспективы сулили профессиональный рост. И хотя, Виктор считал себя самодостаточным и успешным, в последнее время, он не мог честно сказать: «Я счастлив». Если раньше, вечерами, он с удовольствием изучал иностранные статьи, ходил в спортзал или на футбол, то теперь, всё то же самое он делал, как бы через силу. «Всё отлично. Я в полном порядке», – твердил себе Виктор, но раз за разом искал повод, чтобы задержаться на работе. Встречи с друзьями, отвлекали, но случались всё реже, а разговоры о чужих жёнах и, особенно, детях, в последнее время, стали раздражать. Дождливymi зимними вечерами, вопрос, как же так случилось, что он остался совсем один, не давал доктору

покою.

Когда-то Виктор был влюблён. Жили в маленькой съёмной квартире на окраине. Он только начинал карьеру, денег всегда не хватало. Всё закончилось просто. Однажды вечером, вернувшись домой с букетом роз, врач нашёл на столе короткую записку: «Я больше так не могу, прости».

Он не смог простить. Виктор не знал кого, её или самого себя. Пару раз, он пробовал завести подружку, но лишь только отношения начинали переходить границы простого флирта, давал задний ход.

Виктор не испытывал напряжения от того, что отодвинул сексуальное желание в самый дальний угол сознания, почти не замечая его. Переживая предательство, он с головой ушёл в работу. Порой его взгляд задерживался дольше, чем он хотел на приоткрытом плече, плавном изгибе бедра, груди, выступающей из-под натянутой блузки. И тогда, он ловил себя на том, что старается скрыть волну жара, подступающего к лицу. Так продолжалось, пока на очередной конференции он не встретил Марту. Она была замужем. Их редкие, ни к чему не обязывающие встречи устраивали обоих.

В конце концов, по больнице поползли сплетни о его нетрадиционной ориентации. Случайно узнав об этом, Виктор взбесился: «Какое им до меня дело! Моя личная жизнь никого не касается!» Но, к удивлению, это с играло на руку. Психиатр заметил, что проблема находчивых поклонниц отпала сама собой. Его перестали одолевать незамужние со-

трудницы, больше не нужно было изобретать тактичные способы отказа. Постепенно, слухи улеглись, и жизнь вошла в привычную колею.

Он посмотрел на карту Илоны, лежащую перед ним, и вдруг поймал себя на мысли, что эта девушка с её криком, с её отчаянным «*мне страшно*», чем-то напомнила его самого. Того, прежнего, который до сих пор где-то внутри искал ответ на вопрос, а стоит ли вообще жить, если все твои дороги ведут в никуда?

Прежде, чем войти, Виктор остановился у двери и прислушался. Ни звука. Врач осторожно приоткрыл дверь. В холодном свете люминесцентной лампы Илона, сгорбившись сидела на кровати. Безвольно опущенные плечи, тонкие руки, всем видом она походила на уставшую, старую женщину, и от этого доктора словно обдало холодом. Но когда девушка на мгновение повернула лицо – бледное, словно прозрачное, – он увидел её глаза. Открытые. Ясные. Светящиеся изнутри каким-то необъяснимым светом. Это поразило его сильнее, чем если бы она закричала. Илона опустила голову, слегка подалась вперёд и, не глядя на врача, глухо спросила:

– Доктор, где мой сын? Я хочу видеть сына.

– С вашим сыном всё в порядке, он в детской больнице, – сказал Виктор, стараясь говорить мягко. – У него хороший уход, мальчик быстро идёт на поправку.

Психиатр сделал шаг вперёд, надеясь наладить контакт, но состояние Илоны ухудшалось на глазах. Она вдруг стала оглядываться, словно искала кого-то.

– Я вчера купила ему новую игрушку, весёлого клоуна, и никак не могу его найти. Вы не знаете, где он может быть?

Сказанное Илоной было таким бессмысленным, что Виктор не сразу понял, о чём речь, и пока думал, что же ответить, девушка встала и неуверенными шагами, подошла к

доктору так, что он почувствовал на щеке её дыхание. Илона смотрела на Виктора в упор. В её взгляде уже не было того ясного света. Только подозрение, только паника.

– А вы вообще кто?! И где мой сын?! И клоун, кстати, тоже? Почему вы молчите всё время? Вы смотрите на меня как на преступницу! Что я вам сделала?! Отпустите меня немедленно и верните моего ребёнка!

Глаза Илоны помутнели, зрачки расширились, она отшатнулась, метнулась обратно к кровати, села и, начала раскачиваться из стороны в сторону. Сначала медленно, потом всё быстрее, как маятник, как заведённая кукла.

Виктор осторожно опустился на стул рядом с кроватью.

– Попробуйте успокоиться, – сказал он, на сколько мог мягко, и попытался взять её за руку, но Илона резко отодвинулась к стене и сжалась в комок. Широко раскрытыми глазами она смотрела будто сквозь него и, почти беззвучно, бормотала что-то неразборчивое. Казалось, она говорит с кем-то невидимым, с кем-то, кто находится за его спиной. Виктор замер, он хотел ей помочь, но не знал как. Спустя несколько секунд, девушка закрыла лицо руками и выдохнула так, как выдыхают, когда больше нет сил держаться:

– Уходите! Пожалуйста, уходите!

В тихом голосе звучала такая мольба, что у доктора сжалось сердце. Он смотрел на худые обмякшие плечи, подрагивающие пальцы, растрёпанные волосы, и внутри словно что-то перевернулось. Странное, почти болезненное чувство

овладело им. Не пациентка. Не преступница. Не убийца. Сломленная. Потерянная. Беззащитная. Почти ребёнок. Челюсти Виктора сжались. «Я пока не знаю как, но я помогу тебе, девочка».

Виктор встал и, не оглядываясь, вышел из палаты.

– Маргарита, – сказал он сестре, проходя мимо, – дайте ей успокоительное. И присмотрите за ней... пожалуйста.

– Хорошо, доктор, – кивнула Маргарита и добавила, – в ординаторской вас ждёт заведующий, а с ним какой-то мужчина.

– Спасибо, я понял.

«Что ему ещё от меня нужно?» – нахмурился психиатр.

Мужчина лет сорока, в сером костюме, закинув ногу на ногу, сидел диване. Напротив, за рабочим столом, расположился заведующий. По-видимому, они что-то обсуждали, но при появлении Виктора разговор оборвался. Мужчина поднялся и первым протянул психиатру руку.

– Добрый день. Пётр. Следователь по делу Илоны Новак.

– Ну что же, вы тут побеседуйте, а я, пожалуй, пойду поработаю, дел накопилось... – заведующий выдавил натянутую улыбку в сторону следователя, похлопал Виктора по плечу и, словно опасаясь, что кто-то из них его остановит, почти выбежал из ординаторской.

– Скажите, доктор, что вы думаете о психическом состоянии пациентки? Понимаю, предварительно, дополнительные обследования впереди, но всё же, как, по-вашему, она здорова или нет?

Его строгая выправка, суетливый взгляд и руки, которые мужчина, то потирал, то, засовывал в карманы пиджака, почему-то раздражали Виктора.

– Как вы верно заметили, любое заключение сейчас будет предварительным, и, возможно, ошибочным. Поэтому, к сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос.

Виктор, сел за стол, включил компьютер и уставился в монитор, тем самым, давая понять, что разговор окончен.

– Всё же, – нахмурился Пётр и, не сводя с Виктора пристального взгляда, продолжил, – вы замечали у неё признаки психического заболевания? Ну скажем, склонность к агрессии?

– Почему вас это интересует именно сейчас? Есть определённые процедуры, на их проведение требуется время.

– Видите ли, в этом деле, пока ясно лишь одно: она пыталась убить собственного сына. Но зачем? Я хочу разобраться, а зацепиться не за что. Откуда взялась в парке? Почему оба в таком состоянии? Сплошные вопросы. Может быть, она хоть что-то вспомнила?

– К сожалению нет, – сухо ответил Виктор и, поднимаясь, добавил, – извините, меня ждут другие пациенты.

– Что ж, тогда мне пора. Если появятся новости, буду крайне признателен.

Пётр протянул Виктору визитку и вышел. Оставшись наконец один, психиатр открыл первую попавшуюся медицинскую карту и попытался погрузиться в работу. Он перечитывал страницу за страницей, но буквы на экране монитора сливались, а мысли то и дело возвращались к Илоне. «Что в этой девушке так тронуло меня? Как ей помочь?» – он не находил ответа. «Поскорее закончить и домой». С этой мыслью психиатр выключил компьютер.

Когда, наконец, он вышел на улицу моросил мелкий дождь. Ветер гнал по асфальту сухие листья. Виктор поёжился, поднял воротник пальто и, обходя лужи, прибавил шаг.

Сырость пробралась даже в салон автомобиля. Виктор завел мотор и несколько минут сидел, глядя, как дворники с монотонным скрипом сгоняют капли с лобового стекла. Он включил музыку, но тут же выключил — из динамиков полилось что-то душещипательное, а доктору и так было не по себе. Всю дорогу Виктор прокручивал в голове разговор со следователем. Он почему-то не доверял этому человеку.

Уже дома, сидя в кресле и обхватив ладонями кружку горячего чая, Виктор вспоминал Илону. Её по-детски распахнутые глаза, тонкие запястья, хрупкие плечи. «Нет, не может быть. Она не могла намеренно совершить такое и, похоже, совершенно здорова, но что с ней случилось?» — как заезженная пластинка, крутился в голове один и тот же вопрос.

В ту ночь Виктору снилось море. Чёрные волны с шумом разбивались о скалистый берег и превращались в бурлящую серую пену. Чайки, то взмывали к тёмным облакам, то опускались к самой воде, закат окрасил горизонт в ярко-алый цвет. Виктор стоял на краю скалы. Ветер обдувал лицо, ощущение свободы переполняло. Казалось, вот сейчас, он взлетит, но в миг, всё исчезло, а вместо полёта, — стремительное падение в пустоту.

Виктор открыл глаза и рывком сел в кровати. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле. «Всего лишь сон», — выдохнул психиатр, но ощущение падения не отпускало. В полумраке комнаты очертания предметов казались размытыми. «Надо проветриться». Он встряхнул головой, поднялся, и мино-

вав тёмную гостиную, шагнул на балкон. Звёздное небо покрывала туманная дымка, пронизанная светом полнолуния. Виктор глубоко вдохнул. Он чувствовал, как слой за слоем, напряжение начинает отпускать. И тогда, откуда-то из глубины, почти безотчётно, пришло решение. Оно укреплялось с каждой минутой и было таким простым, что психиатр даже усмехнулся: «Как же я не додумался до этого раньше?» Ему вдруг стало легко. Оставалось только составить четкий план и найти союзников, вернее, он уже знал, кто эти люди.

На утренней пятиминутке доложили, что ночью у Илоны опять была истерика. Девушка кричала, требовала вернуть ребёнка, а ещё, просила не вводить ей успокоительное.

– Она боится засыпать, это странно, – предупредил Виктор дежурный врач. – Илона говорит, что во сне её преследуют кошмары, она видит каких-то чудовищ, пауков что ли.

– Я поговорю с ней. По крайней мере, попробую, хотя, вчера, она была совершенно не контактна, – ответил Виктор, краем глаза поглядывая на шефа. Тот, внимательно следивший за разговором, в миг напыжился и покраснел:

– Что значит, не контактна? Разве мы не поняли друг друга? Максимум через две недели она должна быть в тюрьме! Её сын в критическом состоянии, скорее всего, он умрёт! Журналисты на каждом углу растрезвонили о молодой матери-маньячке. Пусть полиция разбирается, что с ней случилось. Это их дело.

Внутри Виктора всё кипело, он выпрямился и посмотрел на шефа так, что тот замолчал и уже совсем иначе продолжил:

– Репутация клиники, Виктор!

– Я всё понял, – только буркнул в ответ врач, развернулся и быстрым шагом направился в палату к Илоне.

Босая, в широкой не по размеру больничной пижаме, девушка стояла у окна. От звука открывшейся двери она вздрогнула, обернулась и, при виде врача, убрала за ухо прядь волос. Рука соскользнула по шее, спустилась вдоль края пижамы и повисла. Виктор словно наткнулся на её взгляд, открытый и переполненный болью одновременно. На секунду, он замер на месте.

– Здравствуйте, доктор.

Девушка попыталась улыбнуться, но уголки губ только дрогнули и сразу опустились.

– Доброе утро, Илона.

– Мне кажется вы похожи на ... – она замолчала, нахмурилась, будто хотела поймать ускользающую мысль. – Неважно. Знаете, со мной происходят странные вещи. Мысли путаются и обрываются. Начиная фразу, я не знаю, как закончить, не помню, о чём хотела сказать, а внутри, какая-то ледяная пустыня.

Виктор молчал. Ему хотелось спросить о том, что случилось, но слова застревали в горле. Он смотрел на её худые запястья, на бледную кожу и думал о том, как страшно, должно быть, носить в себе пустоту и не знать, где закончилась твоя жизнь и начался кошмар.

– Илона, скажите, вы действительно ничего не помните о

случившемся? – спросил он, наконец.

Девушка покачала головой.

– Я помню сына. Помню, как мы гуляли, как кормила и пеленала его. Помню его глаза, они у него синие, как море.

Илона на мгновение прикрыла веки, а когда открыла глаза, посмотрела на Виктора с грустью, но ясно, открыто. «Воспоминания о сыне радуют её. Ни тени страха или агрессии», – отметил про себя психиатр. Как опытный профессионал, он следил за мимикой, жестами, пытаясь уловить хоть намёк на ложь. «Нет, – убедился врач, – она, и правда, ничего не помнит».

Всё указывало на то, что в момент преступления пациентка находилась в состоянии аффекта. Память выключила страшные минуты, чтобы защитить девушку. Опытный психиатр понимал, если Илона вспомнит всё, это может разрушить психику. «Вряд ли она сможет выдержать. Как же быть? Во время лечения, велика вероятность, что память вернётся и тогда... Что будет тогда?» – спрашивал себя он. И одновременно с этим вопросом, врач слышал другой: «Что с тобой? Почему тебе, психиатру, привыкшему к чужим страданиям, так не безразлична эта пациентка?» Он собирался сказать, что пока лучше не пытаться вернуть воспоминания, как вдруг, будто читая его мысли, Илона тихо спросила:

– Что со мной, доктор? Вы можете мне вспомнить?

– Я постараюсь, – мягко ответил он, – но и от вас будет многое зависеть. Прежде всего отдых и сон...

– Но доктор... – Илона побледнела, – этот кошмар точно сведёт меня с ума!

Зрачки девушки расширились так, что глаза почернели, она опустилась на кровать и охватила голову руками.

– Илона, что случилось? Вы слышите меня?

Но она уже словно ничего не видела и не слышала.

– Вы не понимаете. Вы ничего не понимаете... – всё больше отстраняясь, повторяла девушка. Пустыми глазами Илона смотрела сквозь Виктора и молчала, но в этом её молчании было столько страха, что врач не выдержал. Он позвал сестру, чтобы ввести пациентке успокоительное. Илона обмякла, вытянулась на постели, и лицо её стало спокойным – почти безжизненным.

– Я хочу, чтобы благородный огонь горел! – звучный голос донёлся из крошечной темноты.

– Огня не будет... – эхом откликнулось в ответ.

От холода, пробирающего до костей, Илона не могла пошевелить и пальцем. Липкая паутина стягивала грудь, не давая вдохнуть. Каждый удар сердца отдавался в висках. Она лежала на чём-то твёрдом и шершавом, пытаясь вспомнить, как оказалась здесь, но память будто затянуло той же самой тягучей паутиной. Тяжёлые шаги приближались. Девушка не видела кому они принадлежат, но кожей чувствовала – он рядом.

Где-то вдалеке мерцали отблески огней. Внезапно, перед ней, появился силуэт мужчины в длинном плаще с капюшоном.

– И что теперь? – тот же голос резанул из темноты. – Ты уже решил, как мы поступим? Ей не место среди нас, но просто изгнать нельзя – вернётся. Такие, как она, только мешают, наводят смуту. Даже если пройдет очищение, скорее всего, станет только сильнее. Друзья настоятельно советуют принять решение, как можно скорее. Думаю, ты понимаешь, что они имеют в виду. Гнев будет нам не на пользу. Скоро сезон просветления, нужны силы. Они ждут твоего решения. Зажги благородный огонь, и увидишь, что я прав.

Наступившую паузу нарушило недовольное шипение.

– Слышишь, наши друзья уже начинают проявлять нетерпение. Мы должны отдать её. Почему ты медлишь?

– В последнее время наши, как ты их называешь, друзья стали слишком нетерпеливы, тебе не кажется? Они постоянно диктуют нам свою волю. Друзья так не поступают. Или я не прав?

Между тем, шипение становилось всё громче. Мужчина в плаще поднял голову и отчеканил:

– Нет! Я ещё не принял решение!

Шипение переросло в недовольный рокот.

– Я буду думать до завтра. Возможно, завтра я зажгу благородный огонь, и всё встанет на свои места.

Рокот стих. Во мраке повисла гнетущая тишина. Мужчина повернулся к Илоне. Она не видела его лица под капюшоном, только тяжёлый, испытующий взгляд.

– Успокойся, у тебя есть время до завтра. Но не более... Скорее всего, завтра ты будешь уже не здесь.

С этими словами, всё поглотил мрак. Перед глазами девушки замельтешило, пол закачался, и она ощутила, как стремительно летит в пропасть. В холодную, бесконечную пустоту, где не было ни звука, ни света, ни надежды.

Виктор смотрел на спящую Илону. Напряжённое тело девушки было неподвижно, лишь грудь приподнималась от сбивчивого дыхания. Под полуприкрытыми веками глаза беспокойно подрагивали, на щеках проступил румянец, губы беззвучно шевелились. «Она говорит с кем-то? Какой странный сон, больше похожий на бред».

Виктор вглядывался в лицо Илоны, пытаясь понять, что скрывается там, за гранью реальности. Он протянул руку, почти коснулся мягких прядей волос, но замер. «Нужно действовать, у нас не так много времени», – тихо сказал врач и вышел из палаты.

Коллеги разошлись на обход. Виктор сел за стол и, подперев голову, уставился в одну точку. Мысли перескакивали с одного на другое, и доктору никак не удавалось выстроить их хоть в какой-то смысловой ряд. Штормовой ветер за окном раскачивал верхушки деревьев, проливной дождь глухо барабанил по стеклу. «Чашка кофе – вот, что сейчас поможет» – подумал он, но не двинулся с места.

Перед ним стояла задача, которую он сам себе и создал: с одной стороны, помочь Илоне оправиться от потрясения, с другой — ни в коем случае не дать ей вспомнить те события. И самое сложное — убедить всех, включая шефа, что она действительно больна.

Дверь ординаторской распахнулась. На пороге, как по зову, возник сияющий, всем видом, заведующий. «Как же ты не вовремя», – поморщился Виктор.

– Ну, как идёт процесс лечения нашей маньячки? – поинтересовался шеф. – Надеюсь, ты меня тоже, порадуешь.

Виктор тут же решил воспользоваться хорошим настроением босса.

– На самом деле, всё не так плохо. Илона постепенно приходит в себя, но память пока заблокирована. У меня есть идея, как ускорить восстановление, и я активно работаю над этим, – на сколько мог, в эту минуту, уверенно, соврал психиатр.

Шеф довольно хмыкнул:

– Ну вот, давно бы так!

– Единственное... Меня смущают, некоторые её ночные видения. Состояние мало похоже на обычный сон.

– Какие ещё видения? Опять усложняешь? – брови шефа выпрыгнули из-под очков.

– Нисколько, шеф, по ночам, она видит каких-то призраков, а ещё слышит голоса. Дежурный врач рассказал об этом. Возможно, это галлюцинации, давайте вместе поработаем с ней. Мне бы очень пригодился ваш опыт.

Виктор замер. Получить согласие шефа было критически важно.

– В принципе, я не против, – пожал плечами заведующий. – Давай попробуем. Сегодня занят, завтра уеду на конгресс, а в пятницу, я твой.

– Отлично.

Виктор едва сдержал улыбку. Пятница — это почти неделя. За это время он успеет поговорить с Илоной, выяснить природу её кошмаров, а затем внушить ей, что это не сны, а галлюцинации. Если у шефа появятся сомнения, он сможет затянуть время. А время — единственное, что ему сейчас нужно.

– Так, всё, договорились. Я побежал, а то, знаешь ли, дел невпроворот, – бросил шеф и так же внезапно умчался.

Виктор остался один. Он сцепил руки за головой, закрыл глаза и мягко потянулся назад. «Зачем мне всё это нужно? С появлением этой девушки, моя жизнь превратилась в какой-то детективный роман с непредсказуемым финалом». Но перед глазами снова возникло лицо Илоны, взгляд, наполненный болью и, в тоже время, чем-то наивно-детским. Странное чувство, мелькнувшее тогда, в палате, вдруг снова овладело им, но сейчас, оно звучало гораздо ярче и настойчивее. Виктор заметил, что улыбается. «Решено...» – уже без тени сомнения выдохнул он.

План Виктора, на самом деле, был прост.

Два года назад, он вёл пациента, которого подозревали в убийстве жены. Это был мужчина пятидесяти трёх лет, которого звали Стефан. Всю жизнь тот занимался поиском лёгкого способа разбогатеть в одночасье, а по сути, просто бездельничал. Однако, искренне верил в то, завтра всё изменится к лучшему.

Хотя, брак Стефана не был расторгнут, с супругой они давно жили порознь. Детей у них не было. Всегдашним поводом для встречи был очередной финансовый кризис Стефана. Тогда, мужчина и вспоминал, что у него есть жена. Супруга ворчала, злилась, но деньги ему давала, зная, что бывший супруг их точно не вернёт.

В очередной раз, как обычно «на кочерге», Стефан явился ночью к своей спасительнице, чтобы немного подзаняться. Дверь в квартиру жены оказалась не заперта. Он вошёл, и как рассказывал потом, изображая поверженного Марса, с недопитой бутылкой шампанского в одной руке и коробкой конфет, которую стянул в супермаркете, в другой, намеревался, на коленях умолять жену дать ему денег. Мужчина был изрядно пьян, и его не удивило, что дверь в квартиру открыта. Пройдя гостиную, бедолага оказался в спальне. В комнате горел ночник, жена лежала на кровати в неестественной

позе. Постепенно трезвея, Стефан подошёл ближе и только когда толкнул жену по плечу, понял, что она мертва, а подле кровати растянулась лужа крови.

Дальше, всё развивалось, как в простом детективе. Испугавшись подозрений, Стефан сбежал. Полиция, конечно, начала расследование с бывшего мужа-афериста. Главной уликой были злосчастные кровавые следы его ботинок. И никакие уверения и клятвы не спасли бы Стефана, если бы следователю не показалось, что у парня не всё в порядке с головой. Его смущала неуверенность предполагаемого убийцы, да и мотив был не до конца ясен. «Зачем ему убивать жену? Имущества у них практически не было, она частенько давала ему деньги. Супруга ничем не мешала и даже помогала ему», – раздумывал следователь. В конце концов, он решил проверить беднягу на полиграфе и отправил на освидетельствование в психиатрическую клинику.

«Доктор, ну посмотрите на меня! Я конечно не святой, но какой из меня убийца?!» – заявил Стефан при первой встрече с Виктором. И правда, стоящий перед ним, тёмно-волосый с редкой проседью, уже не молодой мужчина, в потёртых джинсах и футболке с надписью «I love DISCO», был скорее похож на заядлого тусовщика, чем на коварного злодея. Собранные на затылке в короткий хвост волосы, серьга в левом ухе, татуировка «грустный Патрик» на правом плече, смеющиеся карие глаза, пухлые губы, растянутые в широкой улыбке, создавали образ бесшабашного гуляки.

Но, больше всего, удивили Виктора невероятное внутреннее спокойствие и живость духа странного пациента. «Я ни в чём не виноват, доктор. Вот увидите, меня оправдают и точка», – уверял он. Стефан не сомневался в справедливости судей, и ещё, одинаково искренне радовался яркому солнцу и проливному дождю.

Когда Виктор приходил на обход, они болтали о рыбалке, футболе, женщинах, кино. Каждую историю Стефан начинал с фразы: «Думаю, доктор, вам это будет интересно, я как-то...». И дальше следовал увлекательный и непременно смешной рассказ. После разговоров со Стефаном Виктор возвращался домой в приподнятом настроении. Он улыбался, вспоминая этого полного доброты и какой-то глупова-

той надежды человека. «Подумать только, ведь он в двух шагах от сурового наказания за преступление, которое не совершал! Откуда в нём столько веры в лучшее!?» – удивлялся врач. Однажды психиатр не выдержал и спросил об этом прямо.

– Моя совесть чиста, док. Я не убивал, – ответил Стефан, и на секунду улыбка слетела с его лица. – Но, чёрт побери, как мне хочется оказаться сейчас дома. Хлебнуть пивка. Лечь на диван и пялиться до утра в телевизор. А с рассветом, выйти на улицу. Бродить по спящему городу, пока на домах и деревьях лежит лёгкая туманная дымка, а в воздухе стоит необычайная тишина, – он замолчал, будто прислушивался к чему-то внутри себя. – Я так люблю утреннюю тишину, док. В такие минуты, как-то по-особому чувствуешь жизнь... – Стефан слегка нахмурился. – А ещё, знаете доктор, порой, тишина бывает громче, любого шума. Нам так её не хватает. Мы привыкаем к вечному гулу большого города. Мы живём в нём. И когда, он вдруг замолкает, испытываем такое удовольствие, что кажется – это и есть жизнь.

Он усмехнулся, но глаза оставались серьёзными.

– Это не так. Тишина успокаивает, но, именно в этом спокойствии и зарождаются желание и радость, а затем, нужен шум, грохот, голос, гул. Иначе нельзя. Жизнь – это бесконечная череда звуков. А тишина ... это то, куда мы все идём.

Виктор смотрел на Стефана и не узнавал. Сейчас, перед ним стоял совсем другой человек.

Во многом, благодаря заключению психиатра обвинения со Стефана были сняты. Следовательно, у которого уже имелась другая версия, довольно быстро обнаружил настоящего убийцу.

«Я теперь ваш должник, док. Если когда-нибудь моя скромная персона сможет вам чем-то помочь, буду искренне рад», – на прощанье пожал Стефан руку врачу. Покидая больницу, он всё так же широко улыбался, а психиатр с грустью подумал, что вряд ли они ещё когда-нибудь встретятся. И вот теперь, обстоятельства неожиданно сводили их вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.